

УДК 342.722:343.11

DOI 10.55346/27825647_2022_02_86

Вагин О. А.,
начальник Управления конституционных
основ уголовной юстиции Конституционного Суда РФ,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Российской Федерации,
г. Москва, Россия

© 2022

Дата приема:
02.03.2022

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В статье подчеркивается решающая роль судебной власти в государственной защите прав и свобод человека, при этом отмечается, что судебные решения в силу объективных причин и субъективных факторов могут быть ошибочными, а то и неправосудными. Вместе с тем наличие уголовно-процессуальной процедуры разрешения дел, апелляционной, кассационной или надзорной проверки судебных решений еще не свидетельствуют о том, что таким образом гарантированно обеспечивается законность правосудия в отраслевом ее значении, а тем более в конституционно-правовом. Наличие процедуры и следование ей еще не подтверждение тому, что она гарантированно обеспечивает законность решения по отдельным делам, а тем более законность правосудия в качестве правового режима.

Отмечается недостаточность для оценки законности правосудия в качестве конституционной критериев соблюдения формальных процедур, установленных уголовно-процессуальным законом и правильным с формальной точки зрения применением норм материального права, выраженным в решении суда, законность которого презюмируется.

Аргументируется, что правосудие, охватывающее все судебное производство в целом, оценивать на предмет его законности в качестве конституционной необходимо в контексте принципов справедливости и равенства, насколько они утверждаются и подтверждаются судебной практикой в общем и целом, а не применительно к совокупности отдельно взятых, обособленных решений суда.

Ключевые слова: *верховенство права; законность; Конституция; конституционная законность; конституционные права; правосудие; презумпция; равенство; справедливость; суд; судебная практика; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальный закон.*

Тема конституционной законности как таковой и конституционной законности правосудия, в частности, не нова, а потому не претендует на некую новизну суждений, преломленных к проблеме правосудия с применением конструктивного средства конституционно-правового анализа деятельности, отнесенной к исключительным полномочиям суда по рассмотрению и разрешению

им различных дел (гражданских, арбитражных, административных, уголовных). Вместе с тем актуальность темы от этого не утрачивает своего значения не в силу популярности самого термина (понятия) законности, усиленного дополнением на ее конституционность, отвечающего духу времени, а в силу того, что она имеет нормативную основу, которая определена самой российской Конституцией, многогранностью и значимостью правосудия как такового, которое по определению должно быть непогрешимым не только с точки зрения реализации отраслевого законодательства, но и в плане соответствия высоким требованиям и стандартам Конституции Российской Федерации.

Российская Конституция, устанавливая основы конституционного строя и правового статуса личности, относит человека, его права и свободы к высшей ценности и обязывает государство признавать, соблюдать и защищать эти права и свободы, определяющие смысл, содержание и применение законов, деятельность публичной власти. В свою очередь, конституционные нормы прямо закрепляют верховенство российской Конституции и федеральных законов на всей территории Российской Федерации, обязывают соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы органы публичной власти, должностных лиц, граждан и их объединения, устанавливают полноту обладания каждого гражданина России на ее территории всеми правами и свободами и равными обязанностями, предусмотренными Конституцией, равенство граждан перед законом и судом. Тем самым предполагается равное и неукоснительное соблюдение требований и норм, прямо содержащихся в конституции или вытекающих из нее, а также законов и иных нормативных правовых актов государства, что определяет законность в качестве общего, принципиального конституционного требования¹.

Во всяком случае, в силу конституционных требований (статьи 4, 15 (часть 3)) предполагается, что в русле Конституции и конституционного права должны «двигаться» и законодательство, и практика его применения. Тем самым Конституция, с ее гарантиями, ценностями и принципами живет в основанных на ней законах². Вместе с тем закрепленные в Конституции права и свободы, ценности и гарантии, существуют не только в качестве целевого идеала, к которому следует стремиться, или ориентирующего «маяка», они находят реальное воплощение в законах, федеральных законах, федеральных конституционных законах, но и реализуются посредством их правоприменительной практики, которая неоднородна и неоднозначна, а потому нередко предполагает вмешательство суда для разрешения споров, противоречий, оценки правонарушающих деликтов, в том числе криминальных.

Согласно Конституции Российской Федерации, решающая роль в государственной защите прав и свобод человека, отводится именно судебной власти. Од-

¹ Как отмечается в литературных источниках, слово «конституционная» подчеркивает, что требование законности всегда является конституционным по своей сути, так как общие предпосылки законности заложены в конституции государства и развиты в его законах. См.: Авакян С. А. Конституционное право. Энциклопедический словарь. М.: Норма-Инфра-М. 2001. С. 388; Громова О. Н. Конституционная законность и ее обеспечение в Российской Федерации // Труды Академии МВД России. 2011. № 4 (20). С. 20. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-zakonnost-i-ee-obespechenie-v-rossiyskoy-federatsii/viewer>.

² Зорькин В. Д. Конституция живет в законах // Российская газета (федеральный выпуск) № 6560 от 18 декабря 2014 года.

нако и сами судебные решения в силу объективных причин и субъективных факторов могут быть ошибочными, а то и неправосудными.

Так, по данным судебной статистики, в 2020 году апелляцией (по числу лиц) отменено 7174, изменено 15 449 обвинительных и отменено 656 оправдательных приговоров; отменено постановлений о прекращении дел в отношении 931 лица; в отношении 170 лиц отменены постановления о применении принудительных мер к невменяемым и 3190 — о возвращении дела прокурору. По материалам судебного контроля удовлетворено 2807 жалоб; отменено 2353 промежуточных постановлений с направлением на новое судебное разбирательство в нижестоящий суд (судебный участок)¹.

Судами кассационной инстанции рассмотрено 21 904 дела, удовлетворены 11 352 жалобы (т. е. больше половины). Из них по приговорам и иным решениям суда по существу дела — 9148, по решениям суда в порядке судебного контроля — 635. Всего отменено 3256 и изменено 8051 обвинительных приговоров; отменено 126 оправдательных приговоров (в том числе апелляционных)². Тем самым судебная статистика, с одной стороны, подтверждает наличие судебных ошибок, несовместимых с правосудием и с требованиями законности, а с другой — демонстрирует реализацию конституционных требований о защите судом нарушенного права, исправление неправосудных решений.

Кроме того, уголовное судопроизводство не только сочетает защиту прав и законных интересов различных его участников (потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, гражданских истцов или ответчиков), но и объективно сопряжено с ограничениями конституционных прав и свобод граждан, обусловленных проведением следственных и процессуальных действий, что отражено законодателем прямо и непосредственно в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, нормы которого допускают, при установленных в нем условиях, ограничение конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, на неприкосновенность жилища, права собственности. В этой связи, судебное решение выступает гарантией права, обоснованного, необходимого и соразмерного — именно ограничения, а не нарушения конституционных прав, что может содержать и угрозу праву, в случае ошибочного, неправосудного решения суда, поскольку исправление ошибочных судебных решений, особенно вступивших в законную силу, допускается лишь при наличии существенных или фундаментальных нарушений.

Механизм уголовного судопроизводства, призванный обеспечить судебную защиту прав граждан, является средством защиты прав участников уголовного судопроизводства, исправления правоприменительных ошибок, включая выявление и исправление ошибочных решений судов. Вместе с тем наличие уголовно-процессуальной процедуры разрешения дел, апелляционной, кассационной или надзорной проверки судебных решений еще не свидетельствуют о том, что таким образом гарантированно обеспечивается законность правосудия в отраслевом ее значении, а тем более в конституционно-правовом. Вопрос лишь в критериях оценки такой законности, подтверждения или опровержения судебных решений в качестве, отвечающем таким критериям или же не соответствующим им.

1 http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/F6-svod_vse_sudy-2020.xls

2 http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/F8-svod_vse_sudy-2020.xls

Сама постановка вопроса относительно законности может показаться несколько или весьма некорректной по отношению к правосудию. Правосудие и его законность неразрывно связаны, неразделимы, как и законность и конституционная законность. Вместе с тем юридические презумпции могут ставиться под сомнение научными гипотезами, опровергаться статистическими данными, результатами исследований и правилами логики. В этой связи произвольное толкование правовых норм, отступление от законодательных предписаний, а потому и от принципа законности — несовместимо с правосудием, так как расходится и с конституционным требованием о верховенстве законов и обязанностью их соблюдения всеми, тем более судом — единственным органом, наделенным полномочиями на осуществление правосудия в Российской Федерации (статья 118 (часть 1) Конституции Российской Федерации). Даже не вторгаясь в юридическое значение терминологии, странно звучит фраза «при отправлении правосудия были допущены отступления от норм права, (нарушены, не соблюдены законодательные предписания)», т. е. суд разрешал дело (осудил) не по праву, не по закону, с нарушением правил. Тогда — где и как мы видим правосудие? В чём оно выражается или заключается? Это может означать лишь одно — что сама процедура судопроизводства состоялась, но в ней нет правосудия, либо то, что для правосудия важен лишь его конечный результат в виде правильного применения материальной нормы, основанной на установленных в ходе судебного разбирательства обстоятельствах. Но и в этом случае возникают различные суждения и вопросы. Допустимы ли при отправлении правосудия существенные или несущественные нарушения и как, по какому критерию их можно разграничить? Можно ли с нарушением процедуры точно и полно установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, служащие основой для квалификации деяния, его оценки на предмет наличия или отсутствия события преступления, состава преступления в действиях (бездействии) подсудимого? Отклонение (нарушение) от процессуальных норм не ставит ли под сомнение правильность установления обстоятельств действительности? Можно ли обеспечить реализацию сторонами их процессуальных прав и выполнение обязанностей, не соблюдая требования уголовно-процессуального закона, а то и поступая вопреки ему? На чём базируется такое правосудие и насколько легитимно оно?

Но это далеко не всё. Механизм уголовного судопроизводства, обеспечивающий судебную защиту прав граждан, является, в том числе средством выявления и исправления ошибочных решений судов. Однако наличие процедуры и следование ей — еще не свидетельство тому, что она гарантированно обеспечивает законность решения по отдельным делам, а тем более законность правосудия в качестве правового режима. Правосудие — это не только и не столько процедура, процесс разрешения дела судом, сколько ее итоговый результат в виде определения, постановления или приговора суда, к которым предъявляются требования законности, обоснованности и мотивированности, чем формально подтверждается и его правосудность. Сам факт разрешения дела судом до тех пор, пока это решение не опровергнуто, и, во всяком случае, при вступлении судебного решения в законную силу, презюмирует его законность.

Вместе с тем это лишь опровержимая презумпция, которая противоречит и правилам логики, и реалиям судебной практики. Сам юридический факт всту-

пления в силу решения суда не является и не может являться причиной правосудия и правосудности как минимум потому, что вступление в силу решения суда наступает после его вынесения, а потому и не может служить причиной, обуславливающей признание судебного акта в качестве правосудного. Уголовно-процессуальный закон не случайно содержит механизмы проверки судебных решений, а судебная практика подтверждает наличие ошибок в решениях суда, которые подлежат исправлению в процедурах уголовного судопроизводства.

Однако сами нормы уголовно-процессуального закона не во всяком случае предполагают устранение ошибок, допущенных судом при разрешении дела, как и установление не всяких правоприменительных ошибок позволяет опровергнуть презюмируемую законность решения суда, что само по себе содержит предпосылки для произвольного применения судом правовых норм, несовместимого с конституционной обязанностью соблюдать конституцию и законы, с требованием о верховенстве права. Отступление судом от требований закона недопустимо в правовом государстве и несовместимо с функцией суда, как органа правосудия — это даже не гипотеза, а аксиома!

Так, уголовно-процессуальный закон, обязывая суды соблюдать установленный порядок уголовного судопроизводства, предъявляет к определениям суда, постановлениям судьи требования их законности; при этом относит к основаниям отмены или изменения судебного решения судом апелляционной, кассационной или надзорной инстанции лишь существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения, либо повлиявшие на исход дела (пункт 2 статьи 389¹⁵, часть первая статьи 389¹⁷, часть первая статьи 401¹⁵, часть первая статьи 412⁹).

Не допускается пересмотр в кассационном и в надзорном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, даже в том случае, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, по истечении одного года со дня вступления их в законную силу (статья 401⁶, часть вторая статьи 412⁹ УПК РФ).

Безусловно, не любые нарушения уголовно-процессуального закона находятся в причинной связи с итоговым решением суда, а потому не могут поставить под сомнение его законность. Вместе с тем в этой связи, по смыслу норм уголовно-процессуального закона, допущенные судом правоприменительные ошибки, по сути, являются извинительными и не подлежащими исправлению; есть нарушения норм закона, которые не противоречат сути правосудия, а являются совместимыми с ним, постановление судебного акта в нарушение норм права само по себе еще не ставит его в разряд противоречащего (искажающего) правосудию, что, полагаю, несовместимо с правом на судебную защиту и с обязанностью восстановления в правах. Остается непонятным, как и почему годичный срок «очищает» неправосудность судебного решения, и лишь можно догадываться, в силу каких причин правосудие, выступающее гарантией всех иных прав и свобод, поставлено в разряд второстепенных ценностей, которыми можно пренебрегать, жертвовать ради ложных, противоправных интересов лица, совершившего преступление.

Возникает множество вопросов касающихся регламентации в законе оснований и порядка осуществления судебных процедур. Если их нарушение или, скажем мягче, отступление от процедурных правил не влияет и (или) не может повлиять на законность и обоснованность судебного решения либо не влияет на исход дела, то к чему эти процедуры? Не избыточны ли они, поскольку они ни на что не влияют, а потому и ничего не гарантируют? Они существуют ради самой процедуры? Гарантируют ли вообще процедурные правила правильное применение норм материального права? Все ли нормы служат установлению конституционных гарантий обеспечения прав и выполнения обязанностей заинтересованным участникам уголовного судопроизводства? Обеспечивают ли процессуальные правила равное и справедливое решение по делу, если можно отступить от норм, определяющих процедуры? Перечень подобных вопросов можно продолжить...

Еще больше вопросов и недоумения вызывает прямо установленный законом запрет на исправление судебной ошибки, обусловленной нарушениями закона, причем искажающими саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, по истечении одного года со дня вступления его в законную силу. В этом случае даже опровержение презумпции законности судебного решения, подтверждение того, что при разрешении дела не было правосудия как такового, закон не то, что не позволяет, — запрещает восстанавливать законность, причем конституционную, исправлять ошибку суда, что противоречит и назначению правосудия, и верховенству Конституции и законов, их общеобязательности и это при том, что ошибки, допускаемые судами, по Конституции призванными обеспечить правосудием права и свободы человека и гражданина, имеют более негативные последствия, неблагоприятно отражаются не только на имидже и уровне доверия к судам, но и на общественном восприятии значения самой Конституции для правовой системы страны и для правоприменительной деятельности¹.

Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, судебная ошибка должна расцениваться как нарушение статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и в соответствии с ее статьей 18 подлежит устранению в судебном порядке². Судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено независимо от того, что послужило причиной его неправосудности — неправомерные действия судьи, судебная ошибка или иные обстоятельства, объективно влияющие на его законность, обоснованность и справедливость, если существенно значимые обстоятельства события, являющегося предметом исследования по делу, отражены в нем неверно либо им дана неправильная правовая оценка³. Вместе с тем даже проверка решений суда, осуществляемая вышестоящими судебными инстанциями в порядке апелляционного, кассационного, надзорного производства, основанная на законе, — еще не гарантированное средство

¹ По мнению 30% опрошенных, Основной закон не играет значительной роли в жизни страны, поскольку с ним «мало кто считается». Это самая высокая доля за последние 14 лет. Лишь 27% заявили, что Конституция гарантирует права и свободы граждан. Для сравнения: в 2017 году, когда опрос проводился последний раз, таких респондентов было 38%. См.: О неверии граждан в силу Конституции // Независимая газета. 2020. 3 февраля // https://www.ng.ru/editorial/2020-02-03/2_7784_editorial.html.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2021 года № 53-П.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 года № 6-П, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 года № 2014-О и др.

обеспечения конституционной законности правосудия как минимум потому, что и сам закон, определяющий процедуры уголовного судопроизводства, должен отвечать критерию конституционности, выражающемуся, в том числе в его правовой определенности, обеспечивающей равное и единообразное его применение, но отвечает такому критерию лишь в силу презумпции конституционности.

Вместе с тем уголовно-процессуальный закон и судебная практика, если рассматривать ее в общем и целом, как и итоговые решения суда абстрактно в их общей массе, дают почву для размышлений относительно необходимости и потребности оценки законности правосудия по уголовным делам на предмет конституционности по иным критериям, нежели по критерию соблюдения формальных процедур, установленных уголовно-процессуальным законом и правильным, с формальной точки зрения применением норм материального права, выраженным в решении суда, законность которого презюмируется.

Для оценки законности правосудия в качестве конституционной таких критериев явно мало, да и они недостаточно состоятельны. Правосудие, охватывающее все судебное производство в целом, оценивать на предмет его законности в качестве конституционной необходимо в контексте принципов справедливости и равенства, насколько они утверждаются и подтверждаются судебной практикой в общем и целом, а не применительно к совокупности отдельно взятых, обособленных решений суда¹.

Из конституционных принципов справедливости, равенства перед законом и судом, учитывая их взаимосвязанность и взаимообусловленность следует, что каждый имеет право на справедливое равенство и на равную справедливость, как и на равную законность и на законное равенство и справедливость, предпосылками и нормативной гарантией которых служат Конституция и законы, их общеобязательность и равное применение должностными лицами органов публичной власти, в том числе в части обеспечения их права на безопасность от преступных посягательств, государственной и судебной защиты в процедурах уголовного судопроизводства, осуществления судом правосудия, отождествляемого в конституционно-правовом смысле со справедливостью и равенством перед законом и судом. Нет правосудия в отсутствие в нём справедливости, как и не должно и не может быть неравного для всех правосудия. И это, пожалуй, ключевой вопрос, касающийся претензий, предъявляемых к правосудию и к судопроизводству.

Однородные по своей юридической природе отношения в силу принципа юридического равенства должны регулироваться одинаковым образом². Вместе

¹ Как отмечается в литературных источниках, основанных на результатах социологических исследований, ядром ценностной системы судейского корпуса является триада ценностей «законность — защита права — справедливость», при этом законность занимает доминирующее положение и по сравнению с защитой права, для чего и служит правосудие, и по сравнению со справедливостью, без чего нет правосудия. На вопрос, в чём заключается главная миссия судьи, 77,6% опрошенных указали на законность, 50,5% на защиту прав граждан, 36,5% указали на обеспечение справедливости. При этом обеспечение законности является не только доминирующей, но часто и единственной целью для судей. См.: Волков В., Дмитриева А. Российские судьи как профессиональная группа: ценности и нормы // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. Волкова В. В. М.: Статут, 2012. С. 141–146.

² Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 марта 2008 года № 6-П и от 26 февраля 2010 года № 4-П.

с тем и нормы права, регулирующие однородные по своей юридической природе, а тем более идентичные, отношения, в силу этого же принципа не могут применяться по-разному. В этой связи, наполняя содержанием правовые нормы в процедурах уголовного судопроизводства, именно суд призван придать этим нормам правовую определенность, обеспечить их единообразное применение к равным субъектам права и в схожих ситуациях. Тем самым предполагается обеспечение самим судом принципа равенства перед законом и судом, а потому права на равную законность и справедливое равенство, отступление от которых нарушает конституционные нормы, и значит, в таком правосудии нет конституционной законности, а, следовательно, нет и правосудия.

Исходя из единой природы судебной защиты а также из одинаковой природы и значения судебных гарантий для защиты прав и законных интересов личности, конституционных принципов справедливости и равенства, предполагается, что механизм правосудия должен быть таковым, что какой бы суд не разрешал дело, правовые нормы должны применяться одинаково к равным субъектам права и в схожих (однородных, равных) ситуациях, гарантированно приводить к идентичному и равному по существу итоговому решению. Суд как орган правосудия призван обеспечить равно законное, обоснованное и справедливое решение, вне зависимости от того, в отношении кого, на каком этапе уголовного судопроизводства и каким судом принимается соответствующее решение¹.

Вместе с тем судебная практика не приводит к единому и равному применению правовых норм, единому и равному результату разрешения уголовных дел². Российское правосудие с декларируемым принципом равенства перед законом и судом не обеспечивает выполнение такого фундаментального требования, что подтверждается сопоставлением судебных актов, социологическими исследованиями³ и не опровергается, а, напротив, признается руководством Верховного

¹ Подобная позиция была сформулирована Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 22 марта 2005 года № 4-П и от 16 июля 2015 года № 23-П, применительно к разрешению судом вопроса о содержании под стражей, которая может рассматриваться в качестве универсальной ввиду ее обусловленности общими требованиями не подлежащего ограничению права на судебную защиту, а также связанным с ним принципиальным положением о равенстве перед законом и судом.

² В юридической литературе отмечается правовая и социальная ценность правосудия в его устойчивости, определенности, предсказуемости и единообразии судебной практики. См.: Гук П. А., Коршунова П. В. Единство судебной практики как особая ценность правосудия // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 103–115.

³ Курмангалиева М., Скугаревский Д. «Жигули» против «Мерседеса» // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/04/06/684386-zhiguli-protiv>; Неравенство в суде // URL: <http://postnauka.ru/faq/37339>; Неравенство перед судом и как с ним бороться? // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115769>; Волков В. Российские суды ценят статус подсудимых // Ведомости. 2013. С. 5 // URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2013/04/05/statusnyj_uklon_v_rossijskih_sudah; Волков В. В. Влияние социального статуса подсудимого на решение суда // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnogo-statusa-podsudimogo-na-reshenie-suda/viewer>; Статусный уклон правосудия // URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2013/10/22/56c073829a7947299f72db64>; Панеях Э. Практическая логика принятия судебных решений: дискреция под давлением и компромиссы за счет подсудимого // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права/ под ред. Волкова В. В. М.: Статут, 2012. С. 107–127.

Суда Российской Федерации¹.

Для того чтобы работали предписания Конституции Российской Федерации о равенстве всех перед законом и судом и о справедливости правосудия, судебная практика должна быть ясной, понятной, предсказуемой и единообразной. Если сопоставить между собой приговоры по делам об одних и тех же преступлениях, то нередко мы не обнаружим в них особых отличий, что отмечалось, в частности, при проверке приговоров на предмет однотипных заимствований текста. Вместе с тем при сопоставимости обстоятельств преступления, а также данных о личности лица, обоснования судебного решения, отличия, и весьма существенные, отмечаются в квинтэссенции — в существе решений. Тем самым судом девальвируются конституционные ценности охраняемые уголовным законом, в том числе человек, его права и свободы, как высшая ценность, а также нивелируется ценность справедливости и равенства, без которых правосудие — уже неправосудие. Не может быть равно справедливых и правосудных решений суда по делам о деяниях, совершенных при схожих обстоятельствах, когда итоговые решения разнятся и весьма существенно².

Что-то не так в таком правосудии: либо в нём слишком мало законности и права, либо слишком много субъективизма и дискреции суда. Обусловлено такое неравное правосудие либо чрезмерной внутренней убежденностью и свободой судьи в оценке обстоятельств и применении закона, либо чрезмерными мягкостью или суровостью, великодушием или малодушием суда, проявленными к обвиняемому или его жертве, беспристрастием или безразличием³. Для устранения этих обстоятельств и нужны строгие процедурные механизмы с тем, чтобы не просто

¹ Выступление В. А. Давыдова от 3 декабря 2020 года в формате веб-конференции, проведенной в рамках повышения квалификации судей по уголовным делам на базе РГУП.

² Следует признать, что абсолютно одинаковых до идентичности уголовных дел, рассматриваемых судами, скорее всего, нет. Всегда имеются различия в обстоятельствах дела, времени места совершения преступлений, мотивах, личностях потерпевшего и обвиняемого, в нюансах обстоятельств и поведения, предшествующих преступлению, посткриминального поведения и др. (см.: Носков Ю. Г. Гуманизм, творчество и формализм в правосудии // Современное право. № 9. 2017. С. 88). Однако и различия далеко не всегда являются существенными.

³ Исследования наглядно демонстрируют проявления неравенства в правосудии. Согласно социологическим исследованиям, у лиц (групп) с низким социальным статусом нет шансов на оправдательный приговор в суде. Доля оправданий по публичному и частно-публичному обвинениям, по которым и даются реальные сроки, составляет 0,18%. У рабочих это 0,2%. У сотрудников правоохранительных органов доля оправданий в 25 раз выше по той же категории преступлений и составляет 5,1%, а у чиновников — в 16 раз выше (3,2%). Значительно выше она и у бизнесменов (2,5%). И эти три категории разительно отличаются от остальных, включая средний класс (0,5%). Из числа оправданных на сотрудников правоохранительных органов, чиновников и бизнесменов приходится 31%. Дискриминация маргинального большинства проявляется и в доле условных приговоров к лишению свободы, здесь его шансы ниже на 15–17%, а статус чиновника, наоборот, предсказывает на 6–10% более высокую вероятность условного приговора в зависимости от категории преступления. Применительно к назначению наказания по той же статье, в том же регионе и схожих юридических обстоятельствах правоохранители получают меньший срок наказания в среднем на три месяца, а по статье 159 «Мошенничество» — на полгода меньше. По той же статье чиновник получит наказание меньше на четыре месяца. Маргинальные преступники предсказуемо получают на 4–5 месяцев больший срок по всем категориям. Представителям бизнеса при прочих равных условиях будет назначено наказание на срок в среднем на месяц больший и на три месяца больший по статье 159 УК РФ (см.: Волков В. В. Статусный уклон в российских судах // Ведомости. 2013. 4 апреля).

обеспечить судоговорение, а именно установить в состязательной процедуре материальную истину, прояснить все обстоятельства дела и вынести единственно верное решение с единым результатом, который не может и не должен зависеть от того какой судья и какого суда будет разрешать дело. Если же такой эффект от судопроизводства не достигается, оно не соответствует требованиям конституционной законности, хотя при его отправлении формально не нарушены процессуальные нормы и также формально правильно применены нормы материального права или во всяком случае, несущественные нарушения не повлекли отмену или изменение решения суда, обретшего или сохранившего его презюмируемую законность.

Следовательно, конституционная законность уголовного судопроизводства предполагает режим применения, соблюдения, использования правовых норм при рассмотрении и разрешении судами уголовных дел, обеспечивающий одинаковое применение правовых норм применительно к равным субъектам права и в схожих (однородных, равных) ситуациях, гарантирующий идентичные или равные по существу итоговые решения, равно справедливые и справедливо равные, как равно законные и законно равные и справедливые.

Изложенные рассуждения и соображения, безусловно, отражают лишь узкий спектр проблем правосудия по уголовным делам, касающихся обеспечения конституционной законности, не содержат исчерпывающих предложений и аргументации их обосновывающей, отражают постановку вопросов, большинство из которых осознанно остались без авторского ответа, как выходящие за пределы предмета статьи. Тема конституционной законности и разрешение конституционных проблем правосудия, учитывая многообразие практики, требуют более тщательного анализа, как и изменения процессуального законодательства, его совершенствования, но через упрощение процедурных правил, регламентации в законе лишь тех из них, которые действительно направлены на обеспечение конституционных прав участников уголовного судопроизводства, установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, на правильное и равное применение уголовного закона, причем с позиций не отраслевого законодательства, а именно конституционного права и Конституции Российской Федерации. Именно в этом видится перспектива совершенствования уголовного судопроизводства и судебной практики. В противном случае дальнейшая формализация судебных процедур повлечет лишь затягивание производства по делу, акцентирование внимания суда не на существе обстоятельств дела, которые нужно установить в судебном следствии, чтобы дать верную правовую оценку, а на следовании процедуре, с тем чтобы не давать поводов для оспаривания решения суда по формальным основаниям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакян С. А. Конституционное право. Энциклопедический словарь. М.: Норма-Инфра-М. 2001 г. 675 с.
2. Волков В. В. Статусный уклон в российских судах // Ведомости. 2013. 4 апреля.
3. Волков В. В. Российские суды ценят статус подсудимых // Ведомости. 2013. 5 апреля.
4. Волков В., Дмитриева А. Российские судьи как профессиональная группа: ценности и нормы // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования

- права / под ред. Волкова В. В. М.: Статут, 2012. С. 141–146.
5. Громова О. Н. Конституционная законность и ее обеспечение в Российской Федерации // Труды Академии МВД России. 2011. № 4 (20). С. 20–23.
 6. Гук П. А., Коршунова П. В. Единство судебной практики как особая ценность правосудия // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 103–115.
 7. Зорькин В. Д. Конституция живет в законах // Российская газета. (федеральный выпуск). 2014. № 6560. 18 декабря.
 8. Курмангалиева М., Скугаревский Д. «Жигули» против «Мерседеса» // Ведомости. 2017. 6 апреля.
 9. Носков Ю. Г. Гуманизм, творчество и формализм в правосудии // Современное право. 2017. № 9. С. 86–92
 10. Панях Э. Практическая логика принятия судебных решений: дискреция под давлением и компромиссы за счет подсудимого // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. Волкова В. В. М.: Статут, 2012. С. 107–127.

Vagin Oleg A.,

*Head of Department of Constitutional Foundations of Criminal Justice
of the Constitutional Court of the Russian Federation,
candidate of science in law, associate professor,
lawyer emeritus of the Russian Federation, Moscow, Russia*

CONSTITUTIONAL LAWFULNESS OF CRIMINAL JUSTICE

The article stresses the decisive role of judiciary in the state protection of human rights and freedoms. At the same time it is noted that court judgments can be wrongful or even unjust both due to objective reasons and subjective factors. Existence of criminal procedure for resolving cases, as well as appeal, cassation or supervisory review of judicial decisions do not as such testify to guaranteed lawfulness of justice relevant to sphere of law, including the constitutional legal meaning. Presence of procedure and its observance do not as such guarantee lawfulness of judgment in a certain case, let alone these do not guarantee lawfulness of justice as legal regime.

It is noted that to assess lawfulness of justice as being constitutional it is not enough to use criteria of observing formal procedures established by criminal procedural legislation, as well as formally correct application of substantive legislation expressed in a judicial decision presumed to be lawful.

It is also argued that justice encompassing judicial procedure as a whole should be assessed with regard to its lawfulness in its constitutional sense in the context of principles of fairness and equality, insofar as they are imposed and approved by court practice as a whole, and not with regard to a body of certain isolated court decisions.

Key words: rule of law; lawfulness; Constitution; constitutional lawfulness; constitutional rights; justice; presumption; equality; fairness; court; court practice; criminal procedure; criminal procedural legislation.

